А. Н. Ужанков

«ЛЕТОПИСЕЦ ДАННИЛА ГАЛИЦКОГО» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XII–XIII вв.

«Галицко-Волынская летопись» давно привлекает внимание медиевистов особенностью жанра и литературно-художественными достоинствами. Особо интересна в этом плане ее первая часть, названная академиком Л. В. Черепниным «Летописцем Даниила Галицкого»[1] и представляющая собой первое светское жизнеописание Даниила Романовича[2], князя Галицкого и Волынского.

Разговор о «Летописце Даниила Галицкого» был бы неполным, если бы исследователи ограничивались анализом только этого древнерусского памятника. Между тем существует ряд произведений XII–XIII вв., родственных как идейно, так и по художественному стилю, данному произведению. Это, прежде всего, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и «Житие Александра Невского».

Естественно, в этой статье не ставится целью полный сопоставительный анализ этих творений – это может быть сделано только в рамках большого специального исследования. Здесь же приведены предварительные результаты сопоставлений.

Идейное и стилевое родство «Летописца» и «Слова о полку Игореве»

Сходство литературных стилей «Слова о полку Игореве» и первой части Галицко-Волынской летописи («Летописца Даниила Галицкого») было замечено исследователями еще в конце XIX столетия.

В. Р. Миллер обратил внимание на родственность начальной части Галицкой летописи, содержащей похвалы Роману Мстиславичу и Владимиру Мономаху и повесть о половецких ханах Сырчане и Отроке, «Слову». По его мнению, этот отрывок летописи является составной частью «Слова»[3], и в целом они представляют собой лишь фрагменты какого-то большо-

го исторического произведения. Эта точка зрения не утвердилась в науке. Было и предположение Л. В. Черепнина, что и «Слово», и «Летописец Даниила Галицкого», и отрывки из недошедших повестей о Владимире Мономахе и Романе Галицком являются произведениями большого воинского цикла[4].

Для нас важна отмеченная этими учеными близость к «Слову» начала Летописца, содержащего панегирическую характеристику Романа Галицкого, устремлявшегося на «поганыя», «яко и левъ», сердитого, «яко и рысь», губившего их, «яко и коркодилъ; и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ», храброго, «яко и туръ»[5].

Именно автор «Слова о полку Игореве» многократно сравнивает своих героев с птицами и зверями, и в частности с орлами и турами. «Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы...»[6]

Интересно отметить, что в «Слове» князь Роман Мстиславич сравнивается с соколом, поскольку во времена похода Игоря Святославича он был еще молод, а молодых князей сравнивали с соколами, зрелых – с орлами: «А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ ваю *умъ* на дѣло (ср. с «Летописцем»: «Одолѣвша всимъ поганьскымъ языком *ума* мудостью...»). Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти».

Заканчивая обращение к Роману, автор замечает: «Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду».

За Дон были загнаны половцы дедом князя Романа – Владимиром Мономахом, и автор «Летописца» подчеркивает это: «Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотом шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю (т. е. половцев. – *А. У.*). и загнавшю оканьныя агаряны», «изгнавшю Отрока во обезы, за Желѣзная врата, Сърчнови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю...» (л. 155).

Река Дон неоднократно фигурирует в «Слове». Именно целью похода Игоря Святославича было его желание «искусити Дону Великаго», и «испити шеломомъ Дону». А могучий князь Всеволод может «Донъ шеломы выпьяти».

Дон и в «Слове», и в «Летописце» употребляется, вопервых, только в связи с половцами, во-вторых, как некое пограничье – конечная цель похода Владимира Мономаха, отбросившего «агарян» за Дон, и Игоря Святославовича, решив-

шего пройти половецкую землю до *устья* Дона, т. е. не только повторить путь Владимира Мономаха, но и превзойти его!

В «Слове о полку Игореве» князь Роман Мстиславич характеризуется как покоритель «многи страны – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя поврьгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи», т. е. опустили свои копья и преклонили головы под мечи князя Романа – покорились.

В «Летописце» князя Роман Мстиславич упоминается впервые (под 1201 г.) как последователь Владимира Мономаха («Ревноваше бо дѣду своему Мономаху»), погубившего «поганыя измаилтяны, рекомыя половци»: «Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьникы». Роман Мстиславич ходил ратью на «поганых», т. е. язычников, и «иноплеменныки». Но перечисленные в «Слове» покоренные «страны» были языческими по своим религиозным воззрениям (кто такие Хинова и Деремела – вопрос до сих пор открыт).

Для нас особенно важно, что автор «Летописца» вспоминает здесь князя Романа в связи с покорением половцев – противников Игоря Святославича.

Во втором случае, под 1251 г., князь Роман вспоминается автором «Летописца» в связи с походом его сына князя Даниила на Ятвягов, и избавлении им из плена всех христиан: «И многи крестьяны от пленения избависта, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имже половци дѣти страшаху». То есть в этом случае князь Роман упомянут как покоритель половцев. И, наконец, третий случай припоминания былых заслуг князя Романа помещен под 1257 г. и опять касается похода князя Даниила на ятвягов: «...яко дань платили суть ятвязи же королеви Данилу, сынови великого князя Романа. По великомъ бо князѣ Романѣ никтоже не бѣ воевалъ на нѣ в рускихъ князих, развѣе сына его Данила». Ну а о многочисленных походах князя Даниила на Литву и говорить не приходится (см. под 1252, 1253, 1255, 1258, 1260, 1262, 1263, 1264).

То есть, подведя итог сказанному о князе Романе в «Слове» и в «Летописце», можно отметить, что в обоих случаях характеристика отца князя Даниила одинакова. Однако, учитывая, что «Слово» было написано ранее «Летописца», можно сказать, что автор «Летописца» знал «Слово» и следовал ему, причем не только в оценке деяний князя Романа.

Можно указать еще на ряд литературных параллелей.

В повести о траве евшан в начале «Летописца» приводятся слова половецкого хана Отрока: «Да луче есть на своей землѣ костью лечи, и не ли на чюже славну быти», – которые, не исключено, являются перифразом слов Игоря Святославича: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти».

Гиперболическая характеристика Кончака в «Летописце» – «иже снесе Сулу пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву», по мнению Л. В. Черепнина, близка однородным выражениям «Слова»: «бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти» – в обращении к великому князю Всеволоду; «меча бремены чрезъ облаки» – в рассказе о Ярославе Осмомысле Галицком или Святославе Киевском: «Святъславь грозный великый Киевскый грозою, бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота»[7].

Занимательна, на мой взгляд, еще одна деталь. Центральным персонажем исследуемого отрывка является хан Отрок. Героем «Слова» – хан Кончак, *сын хана Отрока*! Тогда получается, что отрывок (и то произведение, из которого он взят) *мог быть написан ранее* «Слова о полку Игореве». Близость стиля говорит о том, что «Слово» следовало той же манере письма, в которой был написан отрывок (и вся повесть).

Следовательно, можно предположить, что начало «Летописца», повествующее о Романе Мстиславиче и основанное на отрывке из повести о половецких ханах и Владимире Мономахе, хронологически совпадает со временем написания «Слова полку Игореве»[8].

Вполне возможно, что этот «половецкий» отрывок взят из недошедшей до нас повести о Владимире Мономахе. К тому же сравнение галицкого внука Романа Мстиславича с дедом – киевским князем Владимиром Святославичем – в этом отрывке выглядит вовсе не случайным, как и сопоставление новгородсеверского внука Игоря Святославича с киевским дедом Владимиром Святославичем в «Слове»[9].

Не менее интересными являются наблюдения и над сопоставлением стиля «Слова» и «Летописца Даниила Галицкого» в целом.

Обращает на себя внимание подобие мотивов зачинов двух произведений. Зачин «Слова»: «*Почнем* же братие, повесть сию отъ старого Владимира до нынешнего Игоря...», или: «Нелепо

ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы *трудных повестей* о пълку Игореве, Игоря Святъславича».

Летописец: «*Начнемъ* же сказати бе-щисленыя рати, и *великыя труды*, и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи» (1227 г.)[10] Под 1230 г.: «По семъ скажем многий мятежъ, великия лъсти, бе-щисленыя рати»[11]. Примечательно, что оба автора, как это заметил Л.В. Черепнин, «сами определяют свои произведения как воинские или ратные (“трудные”) повести, повести о “трудах” в значении: воинский труд, борьба, деяния, подвиг»[12].

В то же время в обоих произведениях чувствуется влияние песенного творчества. Так в конце «Слова» совершается незаметный переход воинской повести в героическую песню: «Пѣвше пѣснь старымъ князем, а потомъ молодымъ пѣти! Слава Игорю Святъславличю, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава...»

Отзвук этого же поэтического жанра (песнетворчества славы) обнаруживаем и в «Летописце». Его мы находим в конце повествования о походе Даниила против ятвягов под 1251 г.: «И многи крестьяны от пленения избависта, и *пѣснь славну пояху има*, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа» (л. 187).

«Летописец» сообщает на своих страницах о «славутьном певце» Митусе, не захотевшем служить князю Мстиславу Удалому[13], а «Слово», в свою очередь, упоминает вещего «песнотворца» Бояна.

Таким образом, по мнению Л.В. Черепнина, оба рассматриваемых памятника связаны с древнерусским художественным искусством песнотворцев славы.

Исследователь привел ряд доказательств, подтверждающих его точку зрения, часть из которых рассмотрена выше[14].

Однако исследователи до сих пор обходили стороной одно из главнейших доказательств поэтической художественности двух творений. На мой взгляд, поэтичность обоих произведений наиболее полно раскрывается в их ритмике. Сравним два отрывка.

«Слово»:

И рече Игорь къ дружинѣ своей:
«Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;

а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони,
да позримъ синего Дону».

«Летописец даниила Галицкого»:

Выиде Филя древле прегордый, над!яся обьяти землю,
потребити море, со многими Угры.
Рекшю ему: «Единъ камень много горньцевъ избиваетъ»,
а другое слово ему рекшю прегордо:
«Острыи мечю, борзый коню – многая Руси».

Графически это выглядит следующим образом:

«Слово»:

U U _ U _ U U _ U _ U
_ U U U U _ U _ U U _ U _ U _ U
_ U U U _ U _ U
U _ U _ U U U _ U U _ U U _ U
U _ U _ U U _ U

«Летописец»:

_ U U _ U _ U U _ U U U _ U U U _ U _ U
U U _ U _ U U _ U U _ U
_ U U _ _ U _ U _ U _ U U U _ U
U U _ U _ U U _ _ UU _ U
_ U U _ U _ U _ U _ U U _ U

Сразу становится заметным деление текста на чередующиеся длинные и короткие отрезки (как логические, так и тонические). «Строфа» заканчивается безударным слогом в обоих памятниках.

Длинная строка «Слова» содержит 15–16 слогов, короткая – 8–11.

В Летописце длинные строки имеют бо́льшее количество слогов – 20, но тяготеют все же к 16 слогам и так же равны между собой. Короткие строки имеют по 12–13 слогов.

Соотношение длинной строки с короткой равняется, соответственно, в «Слове» – 4:3 (16:11); в Летописце – 4:3 (20:13 или 16:12)!

Как видим, поэтическая архитектоника обоих памятников весьма близка друг к другу, однако галицкий писатель не прямо копирует «Слово». По всей видимости, *оба памятника исходят из одной манеры письма*. А тот факт, что автор «Летописца» уделил внимание его тоническому оформлению, говорит, что

произведение предполагало его публичное воспроизведение. Этот литературный прием интересен еще и тем, что не присущ летописанию.

Кроме того, сближает «Слово» и «Летописец» и знакомство с книгами компилятивного хронографа («Елинского летописца»): библейскими книгами, хроникой Георгия Амартола и Историей Иудейской войны Иосифа Флавия[15].

Сближают оба памятника и эпитеты-сравнения: «буй тур», «яр тур», «бързый комоню», «поганые половци»; употребление эпитета «златой» («златоверхий», «златокованый», «злаченый», даже «златое слово» князя Святослава) в «Слове» и аналогичное его употребление в «Летописце» (под 1252 г.: «седло от злата зожено», стрелы и сабля «златом украшены», «круживы златыми... ошит», сапоги «шити золотом»)[16].

В «Слове» – «бързыи комони», «острыми стрелами», «светлое солнце», «острыми мячи», «светлыи ты, Игорю»; «Летописец»: «острыи мецю», «борзыи коню», «светлое оружье».

Можно привести еще много параллелей из двух памятников: описание ночи, предшествующей поражению Игоря и текста «Летописца» под 1249 г., описание воинской доблести русских князей и воинов, их ратного боевого духа. Так, Игорь Святославич «иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую», что по общей манере повествования сопоставимо со словами князя Даниила воинам: «...укрепите сердца ваша и подвигнете оружье свое на ратнее»[17] и др.

Тождественность стилей двух памятников убедительно доказана Л. В. Черепниным, и я отсылаю читателей к его работе.

Для нас любопытным является вывод, сделанный исследователем, о галицком происхождении автора «Слова о полку Игореве»[18].

«Последнее предположение может быть аргументировано не только близостью галицко-волынской манеры литературного творчества к стилистике "Слова", но и политической связью Галицкого княжества с Черниговским и Новгород-Северским. Героиня "Слова о полку Игореве" жена Игоря Святославича княгиня Ефросинья Ярославна была дочерью галицкого князя Ярослава Осмомысла. Сыновья же Игоря – Владимир и Роман являлись соперниками князя Даниила в борьбе за Галицкое княжение и некоторое время занимали стол в Галиче. Если предположить, что автор "Слова о полку Игореве" был уро-

женцем Галицкой земли, прибывшим ко двору Игоря вместе с Ярославной, то станут понятными многие характерные особенности "Слова": панегирик Ярославу Осмомыслу, центральное место, занимаемое в произведении "Плачем Ярославны". Голос Ярославны слышен "на Дунаи", сама она собирается лететь кукушкой "по Дунаеви". Этот географический термин несколько неожидан, т. к. князь Игорь ранен на Каяле, но в устах выходца из Галицкой земли воспоминание о Дунае, к которому ("затворил ворота" и до которого "рядил суды" Ярослав Галицкий, вполне естественно)»[19].

В последнее время точку зрения о галицком происхождении автора «Слова» отстаивает украинский ученый Л. Маховец. Он приводит целый ряд доказательств того, что автором гениальной поэмы мог быть княжич Владимир Ярославич, несколько лет находившийся у своей сестры Ярославны в Путивле и Новгород-Северске[20].

Я не хочу касаться здесь проблемы авторства «Слова». Думается, ее не скоро еще можно будет решить.

Для нас важно другое: и «Слово», и «Летописец» можно причислить к произведениям какого-то большого воинского цикла (не обязательно – одного), возможно, *одной* литературной школы[21]. Если же расставить вышерассмотренные произведения по мере их написания, то станет очевидным, что «Летописец» унаследовал стиль письма не только какой-то повести о Владимире Мономахе, траве «евшан» и половецких ханах, включив в себя даже отрывок из этой повести, но и «Слова о полку Игореве».

В свою очередь, если учесть, что «Слово» было написано около 1200 г.[22] (т. е. того рубежа, с которого начинает свое повествование «Летописец» по Ипатьевскому списку), то можно допустить, что автор «Слова» следовал тоже уже определенной и устоявшейся литературной традиции.

Возникает вопрос: где же сложилась такая традиция? По предварительному рассуждению, можно предположить, что сложилась она в Выдубицком монастыре в XII в. Этот монастырь основал Всеволод Ярославич – отец Владимира Мономаха. Сюда, после вокняжения в 1113 г. в Киеве, переносит летописание из Киево-Печерского монастыря Владимир Мономах; в новую редакцию «Повести временных лет» вносится его «Поучение детям»; здесь ведется на протяжении XII в. киевское летописание и завершается в 1199 г. В этот выдубицкий летописный свод войдет и повесть о походе в 1185 г. Игоря

Святославича на половцев (эта киевская летопись в свою очередь войдет в состав Ипатьевского летописного свода). Здесь игумен Моисей напишет и произнесет в 1199 г. «Слово» на «обновление» церкви архистратига Михаила. Именно этот монастырь посещал князь Даниил Галицкий (и, видимо, названный митрополит Кирилл[23]) по пути в Орду к Батыю за ярлыком на княжение. Последний факт свидетельствует о связях Галицкой Руси и Выдубицкого монастыря. Во всяком случае, мы вполне можем предположить, что митрополит Кирилл, предполагаемый автор первой части «Летописца Даниила Галицкого», мог познакомиться с повестью о Владимире Мономахе и половецких князьях именно в его ктиторском монастыре.

До сих пор исследователи при сопоставлении двух произведений обращали внимание только на литературное сходство – стиля, образов и т. д., – но не замечали их идейной близости. А ведь оба памятника роднят и их сходные центральные идеи – сильной княжеской власти и единения и защиты Русской земли от врагов.

И в этой связи хотелось бы обратить внимание на четыре особенности «Слова», которые уже выявлены в «Летописце Даниила Галицкого»[24].

Первая – это подчеркивание автором «Слова» общерусского значения похода на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича, «иже истягну умь крепостию своею..., наполънився ратного духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую». Это интересно в том плане, что Игорь Святославич не был ни великим Киевским князем, ни даже князем Черниговским, а всего лишь владел удельным Новгород-Северским княжеством, которое не всегда входило даже в традиционное в XI–XII вв. понимание термина «Русская земля»[25].

Тем не менее этот удельный князь пограничного на востоке древнерусского княжества выступает защитником всей Русской земли (А. Н. Робинсон назвал это обстоятельство «преувеличением значимости третьестепенного князя»[26]), как и Даниил Романович, князь пограничного на западе Галицкого княжества, владел Киевом, но не был в нем великим князем.

Вторая – это как раз не типичная для своего времени трактовка обоими произведениями расширительного значения термина «Русская земля»: в случае с «Летописцем» за счет включения в него Галицко-Волынских земель, в случае со «Словом» – Новгород-Северских.

Исследовавший эту проблему в «Слове» А. Н. Робинсон писал: «... в политической жизни князей – героев “Слова” существовало, как правило, ограничительное представление о “Руси” – “Русской земле”, как области Среднего Поднепровья»[27].

«Понятие “Русская земля” употреблено в “Слове” 21 раз. Ореол этого понятия в основном очерчен так же, как и в летописях, но с некоторой тенденцией к его расширительному толкованию, как раз за счет включения в него Игоря и его группы (т. е. северских и союзных с ними князей)»[28].

Третья особенность «Слова» – призыв к единению русских князей перед угрозой внешних врагов. В XII в. на этот призыв мало обращали внимания. Из-за распрей среди русских князей («и начяша князи... сами на себе крамолу ковати») «а погании съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Русскую». И поскольку не было в князях единства («нъ розно ся имъ хоботы пашутъ, копия поютъ»), тяжелое поражение ожидало Игоря и его союзников.

Митрополита Кирилла, предполагаемого автора «Летописца», постоянно беспокоила проблема нравственного совершенства (см. «Правила Кирилла митрополита») и сплоченности русских князей. В «Летописце» он показал, как из-за зависти и вражды трех старших князей Мстиславичей жестокое поражение получили русские князья на реке Калке в первой битве с монголо-татарами.

Святослав Киевский обратился в «Слове» с «золотым словом» к русским князьям с призывом объединиться. Но этот призыв был услышан только в августе 1380 г. в канун Куликовской битвы.

Даниил Романович, король русский, обратился с призывом объединенного похода христиан против монголо-татар не только к русским князьям, но и к польским, чешским, венгерским. Но и его призыв в свое время не был услышан.

Четвертой общей особенностью двух произведений является та, что в центре их внимания оказались усилия одного князя – Игоря и Даниила, несколько усиленные их братьями – «буй турами» – Всеволодом и Васильком.

В этой статье указаны только основные примеры, свидетельствующие о литературной близости «Слова о полку Игореве» и «Летописца». Их можно продолжить, но не в ограниченных рамках данной работы.

Думается, однако, что и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы поднять вопрос если не о принадлежности ав-

тора «Слова» к выдубицкой литературной школе, то, во всяком случае, о знакомстве авторов «Летописца» со «Словом о полку Игореве» и продолжении его традиции в «Летописце».

В свою очередь, литературные традиции «Летописца» не остались незамеченными. Они продолжились в литературе владимиро-суздальской земли, и в частности в двух замечательнейших произведениях второй половины XIII в. – «Слове о погибели Русской земли» и «Повести о житии Александра Невского».

Идейное и стилевое родство «Летописца» и «Слова о погибели Русской земли»

Во второй половине XX века в науке возобладало мнение, что «Слово о погибели Русской земли» – это начало какого-то не дошедшего до нас памятника. Центральное место в «Слове» занимает тема Русской земли и ее гибели, вместе с христианами, в период монголо-татарского нашествия.

Выше нами уже отмечалось, что понятие «Русская земля» в «Слове о погибели Русской земли» трактуется так же широко, как и в «Летописце Даниила Галицкого». Возникает такое понятие при сопоставлении Русской земли с пограничным государством и включает в себя все восточно-славянские земли, населенные православными людьми, включая и западнорусские, и северорусские.

Кроме того, в «Слове» имеется одна деталь, которая позволяет увидеть в его авторе выходца из Галицко-Волынского княжества или же говорить о том, что «Слово» написано в западнорусской земле.

Я имею в виду ту точку обзора, откуда ведет свой рассказ повествователь: «*Отселѣ* до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от нѣмець до корѣлы, от корѣлы до Устьюга»[29] и т. д.

Откуда – «отселе»? Киевлянин или черниговец начал бы свое повествование, скорее всего, со своих несносных соседей – половцев, постоянно досаждавших ему, а не с венгров, поляков, литвы и ятвягов, с которыми их княжества не граничили, до которых ему в начале XIII в. и дела было мало. Если предположить, что «Слово» написано в Северо-Восточной земле, то начало перечисления с западных соседей выглядит тем более странным, ибо Владимиро-Суздальская Русь также не граничила ни с венграми, ни с поляками, ни с чехами! С чехами во-

обще Русь не имела общей границы! Если еще раз допустить, что южно-русский или северо-русский автор хотел показать обширность Русской земли и начал перечислять ее соседей с запада, то и здесь следует отметить, что Галицко-Волынские земли никогда на протяжении XI–XIII в. не входили в географическое понятие «Русская земля» ни в северо-русском, ни южно-русском летописании[30].

Стало быть, вопрос о южно-русском или северо-русском происхождении «Слова о погибели» вызывает большие сомнения и не может быть признан правомерным.

А теперь вернемся к «Летописцу». Кто первый из соседей упомянут в нем? У кого оказался малолетний Даниил? Первым в «Летописце» упомянут не восточный, не северный, не южный, а западный сосед – венгерский король, заключивший союз с вдовой Анной, своей «ятровью» (невесткой), и принявший Даниила, «како милыа сына своего». Вторыми – поляки. К ним бежит Анна с детьми после мятежа галицких бояр. Возмужавший князя Даниил идет на чехов, ятвягов, литву и немцев. То есть князь Даниил имел самые тесные отношения (как политические союзы, так и военные походы) именно с теми западными соседями, которые перечислены в «Слове о погибели».

Затем в «Летописце» идет перечисление северных языческих соседей уже Владимиро-Суздальского и Новгородского княжеств от корелов до волжских булгар и мордвы, с интересным для нас замечанием: «...все покорено было Богомъ крестьянскому языку, поганськыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрию, князю Кыевскому; деду его Володимеру и Мономаху, которымъ то половци дети своя полошаху в колыбели» (с. 230).

Во-первых, Русская земля воспринимается автором «Слова» не как некое географическое пространство, а как территория, на которой распространено православие, и включает она в себя все восточно-славянские земли. На этой же позиции стоял и автор «Летописца».

Во-вторых, в «Слове» подчеркивается особая заслуга князя Владимира Мономаха в покорении языческих народов. Но именно эту заслугу Владимира Мономаха отмечает и автор «Летописца» в повести о траве евшан (тоже, кстати сказать, в самом начале произведения), который изгнал «поганыя измаилътяны» «во обезы» и за Дон, т. е. даже географические пределы деятельности Владимира Мономаха весьма близки.

В-третьих, автор «Слова» вспоминает Владимира Мономаха как деда князя Всеволода Юрьевича, отца «нынешнего Ярослава», на повествовании о котором обрывается этот памятник.

Автор «Летописца» вспоминает Владимира Мономаха как деда князя Романа Мстиславича, отца «нынешнего Данилы», о котором идет речь в произведении.

В-четвертых, автор «Слова» употребляет сходную с «Летописцем» фразу о том, что именем Мономаха «половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли». Напомню слова о Романе в «Летописце» под 1251 г., именем которого «половци детей страшаху».

В-пятых, автор «Слова» обращает внимание на то, что Владимир Мономах был покорителем литвы («А литва из болота на свѣтъ не выникываху»). Автор «Летописца» подчеркивал, что князя Роман «ревноваше бо деду своему Мономаху» и «тщашеся погубити иноплеменъникы» – ходил на язычников литовцев и их соседей ятвягов, как затем и его сын Даниил.

В-шестых, «угры твердяху каменые городы желѣзными вороты», чтобы их города не взял Владимир Мономах («абы на них великый Володимеръ тамо не вьѣхалъ»). Князь Роман, как и его сын Даниил, ходил в военные походы против венгров.

В-седьмых, в повести о траве евшан в начале «Летописца», указывается, что Владимир Мономах изгнал половецкого хана Отрока «во обезы (Абхазию) за *Железные врата*». Хотя значение выражения «железные врата» в двух случаях разное (под *железными вратами* «во обезах» исследователи видят старый Дербент), видимо, выражение это нравилось обоим авторам.

В-восьмых, обращает на себя внимание абсолютно одинаковые начала (м. б., заглавия?) двух сочинений. «Слово о погибели...»: «Слово о погибели Русскыя земли и по смерти великого князя Ярослава» (130). «Летописец...»: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержъца всея Руси...».

Даже из этого небольшого сопоставления видна близость этих двух произведений. Уместным здесь будет напомнить, что оба дошедших до нас списка «Слова о погибели Русской земли» соседствуют (или, на мой взгляд, соединены) с «Повестью о житии Александра Невского» – другим сочинением, к созданию которого причастен и митрополит Кирилл[31]. Думается, что имеющиеся параллели между «Летописцем» и «Словом о погибели», сходство взглядов их создателей и соседство «Слова» с «Повестью о житии Александра Невского» вряд ли случайны и позволяют задуматься об их одном авторе.

Идейное и стилевое родство «Летописца» и «Повести о житии Александра Невского»

«Повесть о житии Александра Невского» своей формой, отличной от житий святых, издавна привлекала внимание исследователей. Мнение, что это не агиографическое произведение о святом, было высказано С.М. Соловьевым[32], а В.О. Ключевский называл протограф «Жития Александра Невского» («Повести о житии Александра Невского») «исключительным, своеобразным опытом жития, не повторившемся в агиобиографии»[33].

«Слово о погибели Русской земли» теперь уже с достаточной достоверностью можно считать вводной статьей к повести о житии.

Вполне возможно, что это были два разных памятника. И ответом на вопрос, как они оказались рядом в одной рукописи, может быть следующий: оба эти произведения принадлежали митрополиту Кириллу и были переписаны одно за другим.

Нам теперь остается сопоставить два произведения жанра княжеского жизнеописания – «Повесть о житии Александра Невского» и «Летописец Даниила Галицкого». Оба эти произведения посвящены жизнеописанию великих князей – Александра и Даниила. Как одно, так и другое не содержат летописной сети годов. Оба автора пишут свое произведение как на основе своих собственных впечатлений и рассказов очевидцев, так и со слов участников событий и князей. «Си же вся слышах от господина своего Олександра и от инех, иже в то время обретошася и в тои сечи»[34]. Или в другом месте «Повести о житии...»: «...се же слышах от самовидца и рече ми...»[35].

Сходны некоторые литературные приемы в раскрытии той или иной темы, скажем, сравнения героев в сложной жизненной ситуации с их могущественными отцами.

В Летописце такое упоминание отца Даниила – князя Романа – находим под 1250 г. во время пребывания Даниила в Орде. Аналогичным является упоминание отца князя Александра – Ярослава – тоже при путешествии Александра к Батыю: «...якоже бо по первем велицем взятьи Татарстем отец его великии князь Ярослав... сам себе не пощаде, предать бо ся сам за люди своя в великую и темную и пагубную землю и много пострадав за землю отъчины своея... Тако же и сын Александр не остави пути отца своего за люди своя, за тыя же много пленения прият...»[36]

Кроме того, об этих походах князей в Орду содержатся сходные замечания в обоих памятниках. В «Летописце» о славе Даниила говорится: «...бысть же ведомо странамъ приход его всимъ ис татар» (под 1250 г.); в «Повести о житии Александра Невского»: «...и бысть грозен приезд его. Проиде весть до уст Волги»[37].

Сходство стилей двух произведений Д.С. Лихачев усматривает «в манере описывать военные действия, битвы, подвиги князя. «Краль части Римския» в житии Александра идет на него, собрав «силу велику» и наполнив корабли полками, «и поиде в силе велице, пыхая духом ратным. И преиде реку Неву, шатался безумием, посла послы разгордевся по князу Александру Ярославичу в Новъгород в Великии и рече: Аще можеши ми противитися, уже есть зде, попленю землю твою»[38]. Ср. в Галицкой летописи выступление венгерского короля против Даниила: «Изыде же Бела рикс. рекъмы король Угорьскыи, в силе тяжьце, рекшю ему: яко мне имать остатися град Галичь, несть кто избавляя и от руку моею»[39,40].

Кроме этого, Д.С. Лихачев приводит ряд других параллелей в употреблении обоими памятниками стилистических оборотов типа: «Повесть» – «мала дружина», «Летописец» – «со малом ратник». Александр «скоро поеха» на встречу врагам, «ускори князь велики поити»; в «Летописце» – «Данилови же рекшу, яко же Писание глаголеть: “мъделяи на брань страшливу душу имать”, – понудив их ускоре снити на не»[41].

Интересна для сравнения и манера их письма. В «Повести о житии», как и в «Летописце», заметна установка на достоверность, историчность. Говоря о потерях в войске Александра, автор даже перечисляет убитых: «...новгородцев же ту паде: Костянтин Луготинич, Юрята Пиняшинич, Немест, Дрогила Нудилов, сын кожевников, а всех 20 мужъ паде и с Ладожаны...»[42]. В случае с «Летописцем» просто трудно перечислить все имена. Практически во всех исторических событиях указаны имена участников.

В обоих памятниках употребляются одни и те же сочетания: «милыи сын», «острыи мецю», «острым копием»; тавтологические сочетания: «победою победи», «многом множъством» («Летописец»); «укори а укором», «побеждая непобедим» («Повесть о житии»).

Как было установлено Д.С. Лихачевым, оба памятника роднит не только стиль, но и заимствования из других источников.

Не вызывает теперь уже сомнения, что автор «Повести о житии» был знаком с тем же компилятивным домонгольским хронографом, что и автор «Летописца»[43].

Кроме того, оба произведения были знакомы с еще одним памятником – «Повестью о Девгении Акрите» в южно-русском переводе[44].

Все вышеизложенное говорит о том, что автор «Повести о житии Александра Невского» следует той же литературной традиции, что и автор «Летописца Даниила Галицкого».

«Повесть о житии Александра Невского», по всей видимости, была написана вскоре после смерти Александра в 1263 году.

Некоторые ее редакции донесли до нас и имена рассказчиков, а может быть, и самого автора: «Се же бысть проповедано всем от Кюрила митрополита святителя и от иконома его Савастиана»[45].

Для нас очень важную роль играет упоминание здесь Кирилла. Это именно тот Кирилл, который встречается на страницах «Летописца Даниила Галицкого», ставленник князя Даниила на митрополичьем престоле.

В Летописце он упоминается до начала 1247 г.

Именно этим годом заканчивается и первая редакция «Летописца», известная автору «Повести о житии Александра Невского».

Не позднее 1249 г. митрополит Кирилл возвращается поставленным от Никейского патриарха[46], и уже в 1250 г. он в Суздальской земле венчает князя Андрея Ярославича, брата Александра; в 1252 г. встречает торжественно возвратившегося из Орды князя Александра, в 1255 г. погребал брата Александра – Константина, наконец, в 1263 г. встретил и отпевал тело самого Александра Невского[47].

Вполне возможно, что у митрополита Кирилла расстроились отношения с князем Даниилом Романовичем, который в это время (в 1250-х гг.) сближается с римским папой и принимает от него королевскую корону, и митрополит связал свою деятельность с Александром Невским, уберегая его от подобного шага. Вот почему в «Повести о житии Александра Невского» он приводит отрицательный ответ, написанный, вероятнее всего, самим митрополитом Кириллом, на адресованную Александру грамоту папы[48].

Мне уже приходилось писать, что возможным автором первой редакции «Летописца» является митрополит Кирилл (или

же непосредственным руководителем). Теперь можно сказать, что те же функции он выполняет и при создании «Повести о житии Александра Невского».

Вот почему оба произведения роднит общая идея – возвеличивание князя-героя.

Однако в «Повести о житии Александра Невского» уже подчеркивается и христианская приверженность своей вере Александра – как укор Даниилу, согласившемуся на союз с папой, естественно, не одобренный митрополитом. Отсюда и больше внимания уделяется в «Повести о житии» православной вере, что уместно именно в устах Кирилла[49].

В 1274 г. во Владимере был созван митрополитом Кириллом церковный собор, принявший «Правило Кирилла, митрополита русского». Во вступлении к «Правилу» дается картина разоренной Руси: «Не расея ли ны Богъ по лицю всея земля? Не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи остриемъ меча? не поведени ли быша въ пленъ чада наша? не запустела ли святыя Божия церкви? не томили ли есмы всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ поган? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобных отецъ»[50].

Нечто похожее мы находим в словах Кирилла «печатника» под 1241 годом: «Курилъ же отвеше ему: се ли твори возмездье ума своима воз добродеанье не помниши ли ся, яко король Угорьскии изгналъ тя бе и земле съ оцым... и матеръ твою и сестру сврю...изяста» И далее уже от автора: « – устремися на не, грады ихъ огневи предастъ... возьма плен многъ и поима грады ихъ»..., оонем же одинаково не помняши добродеанья... Богъ возмездье имъ дастъ, яко не оста ничтожие во граде ихъ, еже бысь не пленено...»[51]

Здесь, на мой взгляд, мы находим перифраз одной и той же мысли. Таким образом, через другой памятник – «Правило Кирилла, митрополита русского» – подтверждается причастность Кирилла к созданию первой редакции «Летописца».

Трудно согласиться с точкой зрения Д.С. Лихачева, что «Повесть о житии Александра Невского» была написана только по заказу митрополита Кирилла[52]. Я полагаю, что именно митрополит Кирилл явился ее автором. Произведение в какой-то мере можно рассматривать как программное, написанное митрополитом и направленное против новой политики Даниила. Кроме того, как мы видели выше, в самом произведении содержится указание на причастность к нему митрополита Кирилла.

Из этого следует, что автором первой редакции «Летописца» и «Повести о житии Александра Невского» является одно и то же лицо – митрополит Кирилл, бывший «печатник» князя Даниила. (В крайнем случае – соавтор-руководитель.) Вот почему находится очень много параллелей не традиционного письма, а индивидуально-авторского в «Повести о житии» и «Летописце».

Несомненно, что митрополит Кирилл играл не последнюю роль и в самой Галицкой литературной школе. Вполне возможно даже, что именно он руководил ею во II четверти XIII в. Тогда станет понятным, почему после его отъезда на север Руси (когда с ним уехали и другие писатели, например Савастиан, упоминаемый и «Повестью о житии Александра Невского») к концу 50-х гг. галицкая литературная традиция прекращает существовать в Галицко-Волынском княжестве, но продолжает свое развитие во Владимиро-Суздальской земле.

* * *

Деятельность митрополита Кирилла в северо-восточной Руси не ограничивается созданием одной только «Повести о житии Александра Невского». По мнению М. Д. Приселкова, по его инициативе ведется в Переяславле Залесском митрополичье летописание[53]. Во всяком случае, Лаврентьевская летопись за 70-е годы XIII в. сохраняет многочисленные признаки близости летописца к митрополиту[54].

А. С. Орлов, определяя переводные хронографические источники Ипатьевской летописи, преимущественное значение отдает так называемому Архивному хронографу, составленному в 1262 г.

Этот Архивный сборник «состоял из пяти статей: 1) Толковый Апокалипсис; 2) Компилятивный хронограф, составленный из Библейских книг, хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, "Александрии" и "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия; 3) "Русский летописец" (посл. сооб. 1213 г.); 4) "Сборъник" типа "Изборника Святослава" 1073 г., с добавлением впереди полемической статьи о латине и статьями церковно-юридическими; 5). Болгарский перевод "Пчелы", сделанный в манере Евфимия Тырновского. Из этих статей сохранились лишь 2-я и 3-я, т. е. хронограф и русский "летописец", названный "Летописцем русских царей". Можно с достаточной вероятностью утверждать, что первоначальный сборник, которым воспользовалась Архивная рукопись, состоял из

Толкового Апокалипсиса, Хронографа, Русского летописца и Соборника, происходил из Галицко-Волынской области и относился ко II-й половине XIII века»[55]. Для нас наиболее важен «Летописец русских царей»[56].

По мнению акад. А.С. Орлова, «Летописец», известный по двум спискам, XV–XVI вв., начинался сокращенной «Повестью временных лет», которая в Архивном списке соединена со статьями из «Киевской летописи» (XII в.), и с Суздальской летописью (закончена в 1213 г.) в Переяславской переделке, а в Никифоровском – была соединена с западно-русской летописью (сост. 1428–1430 г.)[57].

Таким образом, «Летописец русских царей» представляет собой соединение южно-русской летописи и Суздальской в переяславской обработке.

А.С. Орлов считает, что «Летописец» состоит из двух частей: первая состояла из «Повести временных лет» с добавлением, а вторая отражала события 1138–1219 гг., причем первая часть издревле бытовала в Галицко-Волынской Руси, а вторая пришла в эту область из Переяславле-Суздальской[58]. Над этими редакциями (по А.С. Орлову) работали два автора. Один – после татарского нашествия на Русь, следовательно, после 1240 г., – работал над изложением событий 1138–1219 гг. и над спайкой обеих редакций в одно целое; второй – позднее, но все же в XIII в. Однако наиболее важным является заключение, что *над обеими редакциями «Летописца» работали Галицко-Волынские авторы*[59].

Я вполне согласен с мнением Д.С. Лихачева относительно составления второй редакции «Летописца» в Переяславле-Суздальском западно-русским писателем[60].

Поэтому осмелюсь предположить, что руководителем составления «Летописца русских царей» был тоже митрополит Кирилл.

На это указывает ряд фактов. Так, еще А.С. Орлов отметил, что «редакция известий 1138–1219 гг. произведена человеком, хорошо помнившим имя Романа Мстиславича Галицко-Волынского и места боев Даниила Романовича за свой удел»[61]. А именно таким хорошо осведомленным в истории княжения Даниила человеком в Переяславле-Суздальском был Кирилл, в прошлом – первый помощник в борьбе князя Даниила за престол. И именно в его устах уместна недоброжелательная оценка западно-европейских обычаев (разобранных А.С. Орловым[62]), направленная, прежде всего, против католиков и со-

юза князя с папой и способствующая тем самым удержанию князя Александра в православной вере. Следует также вспомнить, что после смерти Александра Невского в Преяславле-Суздальском жил Дмитрий – великий князь Владимирский, и находился двор митрополита Кирилла. Тем самым представляется очевидным, что именно он руководил составлением «Летописца» и летописанием в целом в Переяславле-Суздальском.

Таким образом, можно предположить, что митрополит Кирилл по-прежнему оставался руководителем Галицкой литературной школы, которая продолжала свое развитие в северо-восточной Руси. Именно под его руководством и с его прямым участием создаются великолепные памятники древнерусской литературы XIII в. – «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о житии Александра Невского», ведется Переяславльское летописание, составляется «Летописец русских царей».

Галицкая традиция, таким образом, во второй половине XIII в. продолжает жить в литературе северо-восточной Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12. С. 228–253.

[2] *Ужанков А. Н.* Жизнеописание Даниила Галицкого. К истории биографического жанра в древнерусской литературе // Прометей. М., 1990. № 16. С. 188–200.

[3] *Миллер В. Р.* Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С. 141–142.

[4] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 228–253.

[5] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Л. 155.

[6] Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / Подгот. текста О. В. Творогова. СПб., 2005. С. 254–267. В дальнейшем «Слово о полку Игореве» цитируется по этому изданию.

[7] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 238–239.

[8] Роман Мстиславич имел столкновения с половцами не ранее 1199 г. См. об этом и датировке «Слова»: *Ужанков А. Н.* О «внутреннем» и «внешнем» времени произведения и датировке «Слова о полку Игореве» // Литература Древней Руси. Коллективная монография. М.: Прометей, 2004. С. 95–126.

[9] О последнем сопоставлении см.: *Ужанков А. Н.* «От старого Владимира до нынешнего Игоря». Принцип ретроспективной исторической аналогии в «Слове о полку Игореве» // Культурное наследие Древней Руси. М.: ГАСК, 2001. С. 25–35.

[10] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Л. 166.

[11] Там же. Л. 170.

[12] *Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 236.

[13] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Л. 180.

[14] *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 236–237.

[15] *Еремин И.П.* Лекции по древнерусской литературе. Изд. ЛГУ, 1968. С. 118.

[16] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Л. 187.

[17] Там же. Л. 189.

[18] Представителем этого взгляда в литературе является акад. А.С. Орлов. См.: *Орлов А.С.* Слово о полку Игореве. М., 1923. С. 29–31; *Он же.* Древнерусская литература. XI–XVII вв. М.; Л., 1945. С. 110.

[19] *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 239.

[20] *Махновець Л.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1989.

[21] Ср.: *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого. С. 240–241.

[22] *Ужанков А.Н.* О «внутреннем» и «внешнем» времени произведения и датировке «Слова о полку Игореве» // Литература Древней Руси. М., 2004. С. 95–126.

[23] *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: Редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I. XI–XVI века. М., 1989. С. 247–283; *Он же.* «Летописец Даниила Галицкого»: Проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 149–180.

[24] См.: *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: Проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 149–180.

[25] *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства // Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 29; *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 222–224.

[26] *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. С. 230.

[27] Там же. С. 228.

[28] Там же. С. 229.

[29] Слово о погибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 230.

[30] Ссылаюсь на доклад В.А. Кучкина, прочитанный в мае 1994 г. в ИМЛИ РАН. См. также: *Ужанков А.Н.* «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI век. 2004. № 3.

[31] *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: Проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 149–180. *Он же.* О месте и времени присоединения «Слова о погибели Русской земли» к «Повести о житии Александра Невского» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 10.

[32] См.: В.О. Ключевский, биографический очерк, речи и пр. М., 1914. С. 67.

[33] Там же. С. 68.

[34] ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 190.

[35] Там же. С. 191.

[36] *Мансикка В.* Житие Александра Невского. СПб., 1913. С. 13.

[37] Там же. С. 7.

[38] Там же. С. 2.

[39] ПСРЛ. Т. II. Стб. 188.

[40] *Лихачев Д.С.* Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 45.

[41] Там же. С. 46.

[42] Софийская первая летопись под 1240 г., срав. с Галицкой лет. под 1232 г.

[43] ТОДРЛ. Т. V. С. 36–44.

[44] Там же. С. 44.

[45] Там же. С. 193; *Серебрянский Н.* С. 120.

[46] *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. II. С. 54.

[47] *Макарий митрополит.* История русской церкви. Т. IV. С. 192.

[48] ТОДРЛ. Т. V. С. 192.

[49] Интересный в этом плане разбор характеристики князя Александра в книге: *Переверзев В.Ф.* Литература Древней Руси. М., 1971. С. 97–102.

[50] Русская историческая библиотека. 1880. Т. VI. С. 83.

[51] ПСРЛ. Т. II. Стб. 791–793.

[52] ТОДРЛ. Т. V. С. 52.

[53] *Приселков М.Д.* История русского летописания IX–XV вв. Л., 1940. С. 104.

[54] ТОДРЛ. Т. V. С. 51–52.

[55] Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук. 1926. Т. XXXI. С. 95.

[56] Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214–1219 гг.) издан М.А. Оболенским. М., 1851.

[57] Известия ОРЯС. Т. XXXI. С. 94.

[58] *Орлов А.С.* О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. V. С. 15–35.

[59] Там же. С. 31–32.

[60] *Лихачев Д.С.* Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского». С. 53–55.

[61] *Орлов А.С.* О Галицко-Волынском летописании. С. 31.

[62] Там же. С. 30.